

РАЗДЕЛ 1. Ф. И. ТЮТЧЕВ – ПОЭТ, ДИПЛОМАТ, «ЖИВОЙ ОТПЕЧАТОК РУССКОГО УМА, РУССКОЙ ДУШИ»

Андреев Анатолий Николаевич (A.N. Andreev), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ), писатель (*Москва, Российская Федерация*) (*Moscow, Russian Federation*); Anandreev58@mail.ru

УДК 82-1:008

«РУССКАЯ ЗВЕЗДА», ИЛИ КОДЫ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье анализируется мировоззренческая позиция Ф. И. Тютчева, воплощенная в его поэтических текстах, которая так или иначе имеет отношение к смысловым и ценностным кодам русской цивилизации. Особое внимание в связи с этим уделяется оценке Тютчевым идеологического, духовного противостояния России и Запада. Русскому кредо *не в силе Бог, а в правде* противостоит кредо Запада: *не в правде Бог, а в силе*.

По мысли Тютчева, между Россией и Западом «лежит расстояние, отделяющее божественное от человеческого». Вот почему неизбежное противостояние цивилизаций воспринималось Тютчевым как аксиома.

Ключевые слова: Тютчев, коды цивилизации, Россия, Запад, протестантизм, православие.

«RUSSIAN STAR», OR CODES OF RUSSIAN CIVILIZATION IN THE POETRY OF F.I. TYUTCHEV

Annotation. The article analyzes the ideological position of F. I. Tyutchev, embodied in his poetic texts, which somehow relates to the semantic and value codes of Russian civilization. In this regard, special attention is paid to Tyutchev's assessment of the ideological and spiritual confrontation between Russia and the West. The Russian credo is not in the power of God, but in truth, the credo of the West stands: God is not in the truth, but in power. According to Tyutchev, between Russia and the West «there is a distance separating the divine from the human». That is why the inevitable confrontation of civilizations was perceived by Tyutchev as an axiom.

Keywords: Tyutchev, codes of civilization, Russia, the West, Protestantism, Orthodoxy.

Ф. И. Тютчев был умным человеком. Он умел видеть окружающий мир в сложных и противоречивых взаимосвязях, не теряя при том из виду главного, не смещая при этом мировоззренческий фокус на несущественное, второстепенное.

Сквозь призму главного видел и оценивал все остальное.

Это главная его характеристика как поэта, дипломата, аналитика культуры, патриота. Не знаю, стоит ли называть его мыслителем (в конце концов, ум – это дар, а не профессия), но когда он брался размышлять (в стихах, публицистических заметках или служебных записках, неважно), то неизменно делал это глубоко и основательно. Умный человек мыслит системно, у него все связано со всем, у него случайное обретает статус закономерного.

Позволим себе привести одно стихотворение («Когда дряхлеющие силы...»), которое отмечено несомненной печатью ума, что, с нашей точки зрения, не требует доказательств. Sapienti sat. Оно не про коды русской цивилизации, но оно поможет в них разобраться.

*Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, –
Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,*

*От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;
От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;
От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;
Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, –
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор [1].*

Что это вообще: стихотворение или облеченное в стихотворную форму рассуждение? Так или иначе перед нами мудрый взгляд на человека, на его силу и слабости. Надо глубоко разбираться в природе человека, чтобы так трезво оценить его возможности. И надо искусно владеть словом, чтобы так изысканно точно акцентировать нюансы.

Смещение фокуса поэтического мировидения с мироощущения на миропонимание, с ощущений на аналитику, с чувств на умные чувства делает поэзию Тютчева умной. Не чувства сами по себе, а *нравственная природа чувства* – вот что волнует поэта-мыслителя. Как говорится, почувствуйте разницу.

Когнитивный потенциал русской поэзии со времен ее «золотого века» постепенно перестал быть актуальным (по разным причинам), но поэзию Тютчева следует воспринимать именно в философском, мировоззренческом контексте.

Это чрезвычайно важно, когда мы обращаемся к такой трудноуловимой и одновременно сложной материи, как коды русской цивилизации. К разговору об этой «материи» надо быть готовым. Тютчев был русским, носителем русской цивилизации, но при этом являлся тончайшим знатоком Европы, прожив в Германии всю свою молодость (с 1822 до 1844 года). Он находился на службе в русском посольстве в Баварии, где и постиг лучшие, самые привлекательные стороны европейской жизни, европейского способа существования.

Он был блестящим переводчиком величайших европейцев (Гете, Шиллера, Гейне, Шеллинга), он кружил голову знатным немкам, и его салон в Мюнхене имел большую популярность среди своего европейского окружения.

И он действительно любил Европу – вот что имеет значение. Тем важнее оценка сущности европейскости из уст этого умного русского, который был также поэтом и дипломатом.

Пожалуй, самое известное, самое хлесткое, самое принципиальное и пугающее своей жесткой реалистичностью стихотворение «Напрасный труд – нет, их не вразумишь ...». Они – это европейцы, вы (мы) – русские.

*Напрасный труд – нет, их не вразумишь.
Чем либеральной, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиши,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы [2].*

В чем причина фатальной несовместимости «их» и «нас»?

Здесь нет никакой мистики, никаких чудес. Причина кроется в том, что цивилизованным людям, европейцам, недоступна *идея* цивилизации, христианской, конечно, цивилизации; *не в правде Бог, а в силе*: вот их тайное кредо. Правда (идея, нечто нематериальное) для них пустой звук; они ценят и уважают только силу («железо и кровь»). Для них быть цивилизованным означает не быть культурным. Они делают ставку не на культуру, а на натуру. Именно из того корня, между прочим, родилось вначале ницшеанство, которое впоследствии стало философско-идеологической платформой фашизма.

Кто это понимает, тот никогда не будет искать «признанья» Европы. Напрасный труд. Мы там чужие не по крови, не потому, что мы не Европа (мы-то как раз Европа, ведущая свою культурную родословную от Древней Греции и Византии); мы там чужие по духу, ибо мы полагаем, что *не в силе Бог, а в правде*.

Это не просто мнение поэта и дипломата, который, кстати, был женат на знатной немке; это фрагмент его «картины мира». Это мировоззренческая позиция.

У Тютчева нет трактата, в котором системно изложены взгляды на политику, нравственность, природу человека, добро, зло – в котором представлена картина мира. Есть отдельные заметки, высказывания, стихи. Однако определенность и выразительность его «высказываний» такова, что позволяет расценивать их именно как фрагменты определенной теории.

Самым популярным на тему «они – мы» является, конечно, хрестоматийное четверостишие:

*Умом – Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить [3].*

В контексте цивилизационного противостояния следует точно расставлять смысловые акценты: *их* умом (по сути – интеллектом, а не умом) Россию не понять, *их* аршином («общим» для *них*) не измерить; «особенная статья» России (правду, идею, культуру ценим выше силы) позволяет ей надеяться и верить, что есть сила выше «железной силы». Иначе говоря, Россию можно понять умом, а не интеллектом. В стихотворении «Два единства», невероятно актуальным в наше время, это выражено предельно ясно.

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней –
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши –
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью –
А там увидим, что прочней... [4]*

С одной стороны – сила, железо, кровь, война; с другой – вера и любовь. С одной стороны, код их цивилизации (*не в правде Бог, а в силе*); с другой – код нашей цивилизации: *не в силе Бог, а в правде*.

По поводу их ставки на силу, на Природу, на ницшеанского сверхчеловека, на фашизм у Тютчева есть убийственное «замечание» («Природа – Сфинкс. И тем она верней...»).

*Природа – Сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней [5].*

Человек как существо природное, психофизиологическое не представляет особой загадки. Загадка начинается там, где человек вырывается за пределы природы – выказывает способность любить и верить, почитая это высшей – божественной – ценностью. Вот почему православные русские говорят *с нами Бог* (мы выбираем Божественное начало). У протестантов, как известно, иной Бог, который *любит богатых*, то есть сильных.

Две разных установки, два разных цивилизационных кода.

И все же культурная легитимность русского цивилизационного кода не в том, что мы верим наперекор уму, вопреки уму, не считаясь с доводами рассудка. Это все из области мифов о русской цивилизации. Мы вовсе не культивируем иррациональность в противовес их рациональности. В стихотворении «К портрету государственного канцлера, князя А.М. Горчакова» находим точный диагноз:

*«Не изменяй себе, великая Россия!
Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглým их обманам,
И как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения Славянам»... [6]*

Их «ум» есть «ложная мудрость», то есть она представляет собой некий усеченный ум, интеллект, если быть точным, который не способен воспринимать мир во всей его противоречивой сложности. Наш ум способен, их – нет. Вот почему мы верим и любим, а они – нет: потому что мы умнее.

Мы умнее, чем они: таков подлинный посыл умного Тютчева. Они, европейцы, ненавидят Россию, как варвары – цивилизацию. Вчитаемся в отрывок из стихотворения «Славянам» («Привет вам задушевный, братья...»):

*Хотя враждебно судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны;*

*Но все же братья мы родные.
Вот, вот что ненавидят в нас:
Вам не прощается Россия,
России не прощают вас! [7]*

Нас ненавидят за то, что мы черпаем силу в правде, а они – в железе. Нас ненавидят как феномен цивилизации: нам не прощается наша близость к Богу – вот что уловил Тютчев.

При этом Тютчев, к сожалению, романтизировал «славянское братство»; он, очевидно, полагал что «русский дух» присущ всем славянам. Однако многие славяне (чехи, поляки) давно уже на стороне врагов славянства. Единство «западного духа» оказалось сильнее этнического единства (славянского племени), что вполне закономерно. «К портрету государственного канцлера, князя А. М. Горчакова»:

*В те дни кроваво-роковые,
Когда, прервав борьбу свою,
В ножны вложила меч Россия –
Свой меч, иззубренный в бою, –
Он Волей призван был верховной
Стоять на страже, – и он стал –
И бой упорный, бой неровный –
Один – с Европой продолжал.
И вот двенадцать лет уж длится
Упорный поединок тот –
Иноплеменный мир дивится,
Но Русь легко его поймет.
Он, первый, угадал в чем дело, –
И им, впервые, Русский Дух
Союзной силой признан смело –
И вот венец его заслуг. [8]*

Принято считать (вслед за Александром III), что у России нет союзников, кроме армии и флота. Тютчев гораздо глубже смотрит на соотношение сил в геополитическом и цивилизационном противостоянии. Главный союзник России, главная Союзная сила –

Русский Дух. Это очень точно сказано: Тютчев верно указал на главный цивилизационный ресурс России.

Неизбежное противостояние цивилизаций воспринималось Тютчевым как аксиома, как данность, не подлежащая сомнению. Вследствие этого он иногда позволял себе шуточный тон, как, например, в басенной зарисовке «Британский леопард...». Вроде бы шарж, почти агитка. Но это не шарж и не пасквиль – это культурологический этюд, который, опять же, словно про наше время.

*Британский леопард
За что на нас сердит?
И машет все хвостом,
И гневно так рычит?
Откуда поднялась внезапная тревога?
Чем провинились мы?
Тем, что, в глуби зашед
Степи средиземной,
Наш северный медведь –
Земляк наш всероссийский –
От права своего не хочет отказаться
Себя оборонять, подчас и огрызаться
В угоду же друзьям своим
Не хочет перед миром
Каким-то быть отшельником-факиром;
И миру показать и всем воочию,
Всем гадинам степным
На снесь предать всю плоть свою.
Нет, этому не быть! – и поднял лапу...
Вот этим леопард и был так рассержен.
«Ах, грубиян! Ах, он нахал! –
Наш лев сердито зарычал. –
Как, он, простой медведь, и хочет защищаться
В присутствии моем, и лапу поднимать,
И даже огрызаться!
Пожалуй, это дойдет до того,*

*Что он вообразит, что есть <и> у него
Такие же права,
Как у меня, сиятельного льва...
Нельзя же допустить такого баловства!» [9]*

Почему Тютчев так актуален сегодня?

Потому что он постиг главное: нам не прощают и никогда не простят нашу цивилизационную установку, делающую нас лидерами цивилизации мировой. Главный ресурс человека мы видим в идее, а не в «инклюзивном капитализме» (то есть, по сути в неокOLONIALИЗМЕ, где, кто силен – тот и прав). Мы верим в духовную силу и мощь человека, они – нет. Мы всегда будем для них «простым северным медведем», «холопами просвещения», изгоями, ошибкой природы – в конечном счете, *людьми не от мира сего*. Отсюда пафос стихотворения «Наш век» [10].

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры – но о ней не просит...
Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!...»*

Что делать в подобной экзистенциальной ситуации? Противостояние – не наш выбор, его нам навязывают «сиятельные львы», возмнившие себя царями вселенной, и иже с ними. Остается «бой упорный, бой неровный». А там увидим, чья возьмет. Как завет поэта воспринимаются такие строки («Ты долго ль будешь за туманом...»):

*Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?*

*Ужель, навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?
Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда –
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда. [11]*

Отметим, что не столько сама Россия, сколько противостояние России и Запада (мы и они) было предметом размышлений Тютчева. Точнее, «философия истории», которая пытается соотнести природу человека и социума. В письме доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты», Тютчев пишет: «О России много говорят; в наши дни она стала предметом жгучего, беспокойного любопытства. Очевидно, что она сделалась одной из самых больших забот нынешнего века; однако следует признать, что эта забота, заметно отличаясь от других волнующих наше время проблем, скорее угнетает, нежели возбуждает современную мысль... Иначе и быть не могло: современная мысль, дитя Запада, видит в России если и не враждебную, то совсем чуждую и не зависящую от нее стихию. Она как будто боится изменить самой себе и подвергнуть сомнению собственную законность, если придется признать совершенно законным вставший перед нею вопрос, серьезно и добросовестно осознать и разрешить его... Что такое Россия? Каков смысл ее пребывания в мире, в чем ее исторический закон? Откуда пришла она? Куда идет? Что представляет собою? На земле, правда, ей предоставлено место под солнцем, однако философия истории еще не соблаговолила найти его для нее» [12].

В ответах на поставленные им самим вопросы Ф. И. Тютчев чрезвычайно близко подошел к тому пределу, к которому подошла сегодняшняя антропологическая и культурологическая мысль в России. Тютчев точно диагностировал природу кардинальных, непреодолимых различий Запада и России: это различия *«между двумя мирами, между двумя, так сказать, человечествами, пошедшими под двумя разными знаменами»*. Вот ход рассуждений Тютчева («Римский вопрос» [13]): «Скоро исполнится восемь веков с того дня, как Рим разорвал последнее звено, связывавшее его с

православным преданием вселенской Церкви. Создавая себе в тот день отдельную судьбу, он на многие века определил и судьбу Запада.

Догматические различия, отделяющие Рим от православной Церкви, известны всем. С точки зрения человеческого разума эти различия, вполне обосновывая разделение, не объясняют в достаточной степени образовавшейся пропасти – не между двумя Церквями, ибо Вселенская Церковь Одна, но между двумя мирами, между двумя, так сказать, человечествами, пошедшими под двумя разными знаменами.

Отмеченные различия не совсем объясняют, как произошедшее тогда отклонение с истинного пути должно было со всей необходимостью привести к наблюдаемому нами сегодня результату.

Иисус Христос сказал: «Царство Мое не от мира сего». Следовательно, нужно понять, как Рим, отпав от Единства, счел себя вправе ради собственного интереса, отождествленного им с интересом самого христианства, устроить Царство Христово как царство мира сего.

Мы хорошо знаем, как очень трудно, среди западных идей и понятий, придать этому слову его законное значение; всегда будет оставаться соблазн толковать его не в православном, но в протестантском смысле. А между этими двумя смыслами лежит расстояние, отделяющее божественное от человеческого» [13].

Прокомментируем основную концептуальную мысль Тютчева. Между «смыслами» (цивилизационными кодами) России и Запада *«лежит расстояние, отделяющее божественное от человеческого»*. Лежит пропасть, ни больше ни меньше. Почему единая некогда Европа разделилась на два полярно противоположных «царства»?

Основная проблема культурного кода – отношение к человеку. Человек для мира или мир для человека? Человек со своими невероятными ресурсами поставлен в центр мироздания или внешние по отношению к человеку силы, контролирующие его ресурсы?

Наделен ли человек свойствами субъекта в мироздании или ему отведена роль объекта манипуляций?

Ключевым в нашем понимании является следующий посыл Иисуса Христа. Иисус сказал: Царство мое не от мира сего (Иоанн 18.36).

Позволим себе трактовать это следующим образом, в актуальном для нас *персоноцентрическом и православном* ключе. Человек – это

единое целое, состоящее из двух противоположных «царств»: сферы духовной (культурной), где царствуют разум и Правда, той сферы, что «не от мира сего», – и сферы телесно-психологической, природной, где Сила выше Правды, той сферы, что «от мира сего», от мира материального.

На что ориентироваться: на концепцию человека духовного («не от мира сего») или человека телесного («от мира сего»)? В нашей терминологии: на личность или индивид?

Если мы принимаем сторону Иисуса Христа, то идем за ним, «в царство разума и Правды», которое подчиняет себе законы природы; если мы принимаем сторону человека бездуховного, ставящего «дух» ниже «плоти» (ниже *потребления*, как сказали бы сегодня), то мы идем по пути протестантизма, по пути Запада.

«Религией успешности», религией потребительского отношения к жизни стал протестантизм. Запад пошел не за Христом. Запад выбрал не человека, а контроль над ресурсами человека.

Все, что дали человеку философия и Христос, Запад у человека отобрал.

Протестанты все, что «от мира сего», ставят выше того, что «не от мира сего». «Бог любит богатых» (то есть успешных): таково теологическое, моральное и просто бытовое обоснование *индивидуализма*.

Мы верим, что божественное, культурное начало в человеке сильнее природного, они не верят. Между нами пропасть. При этом они нас (а не мы их) решили уничтожить – просто в силу того, что считают себя выше в пищевой цепочке («сиятельный лев» против «простого медведя»). Для них мир – пищевая цепочка, где сильный пожирает слабого (так индивид с помощью интеллекта воспринимает реальность); для нас мир несводим к пищевой цепочке, он имеет иное – божественное – измерение (так личность с помощью ума воспринимает реальность).

Универсальность или, напротив, ущербность культурного кода проявляется с течением исторического времени. Наш код доказал свою научно-культурную состоятельность. Он оказался и универсальным (открытым иным цивилизациям), и уникальным. На его основе оказалось возможно построить перспективную картину мира, которая, в принципе, устраивает всех и каждого. Приоритет

духовного (культурного) начала в человеке над началом докультурным – реальность сегодняшнего времени, нравится это кому-то или нет. С этим приходится считаться всем. Не хлебом единым жив человек, а всем исходящим из Уст Божьих живет человек (Второзаконие 8.3) – это аксиома.

У И. Канта это выражено иначе. Приведем популярную аранжировку категорического императива Канта: «Человек всегда должен быть целью и никогда – средством». Это высший принцип нравственности. Соответственно, высший принцип безнравственности гласит: человека всегда следует рассматривать как средство и никогда как цель. Запад всегда рассматривает человека как средство. В принципе, это все, что необходимо знать о западной ментальности. Именно об этом – афористично, лаконично – писал Ф. И. Тютчев.

Культурный код еще не картина мира, но он является тем семантическим облаком-ядром, без которого картина мира не может появиться. Путем своеобразной кристаллизации культурный код превращается в картину мира. Культурный код – это пракартина мира.

Именно поэтому мы считаем, что Ф. И. Тютчев, несомненно, внес свою лепту в создание культурного кода русской цивилизации. Он многое угадал, предугадал, предвидел. К сожалению, он не ошибся.

Список использованной литературы:

1. Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. – М. : Издательский центр «Классика», 2003. Т. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://traumlibrary.ru/book/tyutchev-pss06-02/tyutchev-pss06-02.html>
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. – М. : Издательский центр «Классика», 2003. Т. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://traumliHYPERLINK <https://traumlibrary.ru/book/tyutchev-pss06-03/tyutchev-pss06-03.html> bHYPERLINK <https://traumlibrary.ru/book/tyutchev-pss06-03/tyutchev-pss06-03.html>rary.ru/book/tyutchev-pss06-03/tyutchev-pss06-03.html>
13. Там же.